

А. И. Рейтблат

Свет и тени российского анархизма

(ОБЗОР КНИГ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ)

DOI: 10.53953/08696365_2024_188_4_370

Буренина-Петрова О.Д. Анархизм и искусство авангарда.

СПб.: Петрополис, 2021. — 295 с. — 500 экз.

Кривенький В.В. Анархистское движение в России в первой четверти XX века: теория, организация, практика.

М.: РОССПЭН, 2018. — 430 с. — 700 экз.

Рублев Д.И. Российский анархизм в XX веке.

М.: Родина, 2019. — 703 с. — 500 экз.

Рябов П.В. Краткий очерк истории русского анархизма: от Феодосия Косого до Алексея Борового.

М.: Common place, 2020. — 383 с. — 500 экз.

Чекин С.Н. Воспоминания анархиста-старобуянца /

Вступ. статья, сост., подгот. текста, коммент. Л.С. Чекина.

М.: Новое литературное обозрение, 2024. — 480 с. — 500 экз.

Одним из антиимперских движений в России был анархизм. Собственно говоря, он был направлен не против имперской власти, а против любой государственной власти. Но поскольку в России власть была имперская, то анархисты боролись с ней. В СССР анархистов репрессировали, а память о них планомерно уничтожалась или фальсифицировалась, их изображали в кино и в художественной литературе как грабителей и громил или как вульгарных, вызывающий смех людей. Научной литературы о них почти не было, а то, что печаталось, показывало их только в черном свете. Вот, например, что писали о них в «Советской исторической энциклопедии»: «Анархизм (от греч. *anarchia* — безвластие) — мелкобурж. общественно-политич. течение, основная идея к-рого состоит в отрицании всякой гос. власти и проповеди т.н. абсолютной свободы личности. <...> Мелкая буржуазия, деклассированные элементы, люмпен-пролетариат составляют социальную основу А. <...> После Окт. социалистич. революции, показавшей на практике всю беспочвенность и вред А. для пролетариата, А. в России стал вырождаться в антинар. контрреволюц. течение, а подчас даже в прямой бандитизм (см. Махновщина). По мере разгрома белогвардейцев и упрочения Сов. власти анархисты занимали все более контрреволюц. позиции»¹.

Ситуация изменилась в постсоветский период: книги об анархизме стали выходить в большом количестве². Только за последние пять лет (2019—2023) было

1 Советская историческая энциклопедия. М., 1961. Т. 1. Стлб. 484—486.

2 В частности, в издательстве URSS в 2009—2023 гг. в серии «Размышляя об анархизме» вышло 50 монографий.

издано почти четыре десятка книг на эту тему. Среди них на первом плане труды «классических» отечественных теоретиков анархизма М.А. Бакунина (1814—1876) и П.А. Кропоткина (1842—1921), выходящие даже в карманных изданиях³. Немало и переводных книг по теории и практике анархизма⁴. Но основной массив книг по анархизму составляют издания по его истории в России⁵.

Ниже мы рассмотрим несколько книг последних лет, которые репрезентативны, на наш взгляд, для этого потока литературы.

Последняя по времени — это популярный «Краткий очерк истории русского анархизма: от Феодосия Косого до Алексея Борового» П.В. Рябова. Автор начинает с того, что «анархия — это не хаос, а гармоническое общество свободных личностей. Общество не дезорганизованное, а просто организованное на иных, невластных началах и состоящее из людей, движимых иными ценностями, чем господствующие. Анархизм же можно понимать в нескольких смыслах: как социальное учение со своим идеалом общества, как философское мировоззрение со своей системой ценностей (в центре которых личность и ее свобода), как субкультуру и движение с определенным набором личных и общественных практик и дискурсов» (с. 9—10). Понимание анархизма у него абсолютно не историческое, оказывается, что «анархизм существовал на протяжении всей известной человеческой истории» (с. 10), анархистами, по Рябову, были и даосы в Китае, и софисты в Древней Греции, и Франсуа Рабле, и духоборы, и славянофилы, и русские народники, и Герцен, и Лев Толстой (с. 9, 10, 14). Хотя в выходных данных книга названа «научным изданием», но таковым она не является как по характеру изложения, так и по внешним признакам (в ней нет ни историографии вопроса, ни ссылок при цитировании). Но книга может быть полезна для первого знакомства с теорией и историей русского анархизма, поскольку написана живо.

Отдельные главы в ней посвящены взглядам крупнейших русских анархистов М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина. Рябов пишет, что анархистское мировоззрение Бакунина окончательно сформировалось в конце 1860-х гг. В основе его — критика религии и государства, поработавших человека. Бакунин утверждал в работе «Федерализм, социализм и антитеологизм» (1867): «...там, где начинается государство, кончается индивидуальная свобода, и наоборот. Мне возразят, что государство, представитель общественного блага или всеобщего интереса, отнимает у каждого часть его свободы только с тем, чтобы обеспечить ему все остальное. Но остальное это — если хотите, безопасность, но никак не свобода. Свобода неделима: нельзя

-
- 3 См., например: *Бакунин М.А.* Государственность и анархия. М.: Эксмо, 2023. (Pocket book); *Кропоткин П.А.* Анархия и нравственность. М.: Эксмо, 2023. (Философия в кармане).
 - 4 См.: *Бертло А.* Оставим пессимизм до лучших времен: переосмысляя анархизм / Пер. М. Цовма и др. М., 2018; *Герен Д.* Анархизм: от теории к практике / Пер. с фр. Вл. Наумова. М., 2022; *Кинна Р.* Никакой власти: теория и практика анархизма / Пер. с англ. О. Корчевской. М., 2022; *Кун Г.* Постанархизм без розовых очков / Пер. с нем., англ. М., 2023; *Нозик Р.* Анархия, государство и утопия / Пер. с англ. М., 2019; *Только анархизм: антология анархистских текстов после 1945 года* / Сост. Б. Блэк; пер. с англ., фр. М., 2020; и др.
 - 5 См.: *Рублев Д.И.* Черная гвардия: московская федерация анархистских групп в 1917—1918 гг. М., 2020; *Он же.* «Науко-политическое сословие» и «Диктатура интеллек-

отсесть ее часть, не убив целиком. Малая часть, которую вы отсекаете, — это сама сущность моей свободы, это все» (цит. по с. 93). Исходя из этого, Бакунин призывал не к политической, а к социальной революции, которая посредством всеобщего бунта разрушит государство, имущественные различия и церковь и создаст «вольную федерацию снизу вверх рабочих ассоциаций — как промышленных, так и земледельческих, как научных, так и художественных или литературных, сначала в коммуны, федераций коммун в области, областей в нации, а наций — в братский интернационал» (цит. по с. 96). Он резко критиковал патриотическую мифологию, которую использует государство: «Настоящий патриотизм, чувство, разумеется, весьма почтенное, но вместе с тем узкое, исключительное, противучеловеческое, нередко просто зверское. Последовательный патриот только тот, кто, страстно любя свое отечество и все свое, также страстно ненавидит все иностранное <...>» (цит. по с. 94).

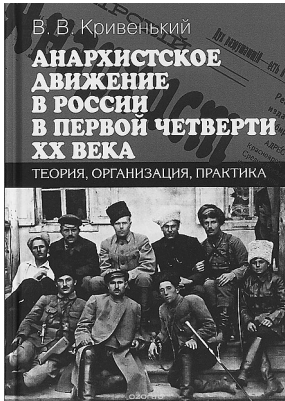
Кропоткин, согласно Рябову, разрабатывал, в отличие от Бакунина, не ключевые, а частные аспекты теории анархизма, причем основной акцент он делал не на разрушении старого строя, а на создании нового. Он стремился положить в основу анархизма научное знание, обосновать закон взаимопомощи как важнейший принцип эволюции, а в качестве основных факторов прогресса рассматривал взаимную помощь и солидарность. Современное ему общество Кропоткин считал стадией перехода к анархическому коммунизму. Он выступал за революцию, но такую, которую начинает народ снизу, а не какая-либо партия, допускал он и революционный террор как стихийную месть народа: «Народный террор — это террор отчаяния и ответ на все угнетение и презрение правящих классов. Но совсем другой характер носит террор, который возводится в “государственный принцип” и диктуется не чувством народной мести и отчаяния, а холодным рассудком во имя революционной идеи. Вот этого рода террор и дорог для якобинцев всех революций <...>. Будучи оружием правителей, террор служит, прежде всего, главам правящего класса; он подготавливает почву для того, чтобы наименее добросовестный из них добился власти» (цит. по с. 127).

Кропоткин полагал, что в будущем обществе, в котором реализуются анархические принципы, распределение будет организовано по потребностям, умственный и физический труд соединятся (и, соответственно, землю будут обрабатывать не только сельские, но и городские жители), будет налажен прямой обмен между деревней и городом, промышленность будет разукрупнена и т.д. (см. с. 131). Его взгляды оказали громадное влияние на анархистов всего мира, и в России в основном анархизм существовал в кропоткинском изводе.

Монография *В.В. Кривенького* «Анархистское движение в России в первой четверти XX века: теория, организация, практика» дает весьма яркую картину укоренения анархизма на русской почве, его развития и жестокого уничтожения в Советской России. Это, в отличие от книги Рябова, весьма основательный научный труд, являющийся итогом многолетнего изучения истории русского анархизма. Автор проработал большой массив архивных материалов и анархистской периодики, учел работы других исследователей и написал подробную историю анархи-

туалов»: проблема «интеллигенция и революция» в анархистской публицистике России конца XIX — начала XX веков. М., 2020; *Клименко В.А.* Московские анархисты после Октября. М., 2020; *Рябов П.В.* Анархизм: от Прудона до новейшего российского анархизма. М., 2020; Анархизм и марксизм в России: материалы научных конференций 2018—2019 гг. СПб., 2020 (Тематический выпуск журнала «Acta eruditiorum» (вып. 35)); Апология безвластия: анархистская альтернатива решения социально-политических проблем: сб. статей / Под ред. П.И. Талерова. СПб., 2022; и др.

ческого движения в России. При этом основное внимание он уделил 1905—1921 гг. Согласно Кривенькому, «как массовое революционное движение анархизм оформился и начал играть определенную роль только в системе общественно-политических взглядов народников в 1870-х гг. XIX в., под влиянием идей выдающегося мыслителя и революционера М.А. Бакунина» (с. 85). Хотя Бакунин и Кропоткин немало теоретизировали по поводу анархизма, основополагающие положения анархизма очень просты: в основе всего находится личность, любая власть над ней несправедлива, прежде всего власть государства. Поэтому необходимо разрушить государство и свободно объединяться снизу.

Кривенький цитирует работу Бакунина «Государственность и анархия» (1873), в которой он писал: «...мы объявляем себя врагами всякой правительственной, государственной власти, врагами государственного устройства вообще и думаем, что народ может быть только тогда счастлив, свободен, когда, организуясь снизу вверх, путем самостоятельных и совершенно свободных соединений и помимо всякой официальной опеки, но не помимо различных и равно свободных влияний лиц и партий, он сам создаст свою жизнь» (цит. по с. 85). В том же 1873 г. П.А. Кропоткин составил программный документ кружка Н.В. Чайковского — записку «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?», содержащую близкие идеи.

Вскоре стали возникать анархистские кружки и анархистские периодические издания. Происходило это в эмиграции, главным образом в Швейцарии, позднее в США; в России анархисты были очень малочисленны. Несколько оживилось анархическое движение в начале XX в. В Женеве в 1900—1901 гг. возникла Группа русских анархистов за границей, в 1903 г. была создана группа анархистов-коммунистов «Хлеб и воля». Уже тогда проявились те качества анархистов (обусловленные в значительной степени основополагающими их принципами), которые мешали им стать серьезной идейной и политической силой — отсутствие иерархически построенной организации и единой четкой программы. Кривенький пишет, что «возникшие в начале XX в. за границей группы русских анархистов, как правило, не имели общих строго выработанных программ и часто действовали в тесной зависимости от индивидуальных качеств и взглядов лидеров» (с. 99). Тогда в Европе насчитывалось не более полусотни анархистов (с. 101).

В России первые анархистские группы появились в 1903 г., причем тогда анархисты не находили сочувствия у окружающих, а члены социалистических партий считали их своими противниками. В последующие годы число анархистских групп быстро росло, увеличивалось и число их членов. Лидерами были интеллигенты, но подавляющее число членов являлись социальными маргиналами — безработными или ремесленниками. Среди них был очень высокий процент евреев (особенно молодых), в большей степени испытывавших государственный гнет, чем другие народы Российской империи, поскольку они были лишены многих гражданских прав⁶.

6 Этой теме посвящены книги М.М. Гончарука: Век воли: русский анархизм и евреи (XIX—XX вв.). Иерусалим, 1996; Очерки по истории еврейского анархистского движения (идиш-анархизм). Иерусалим, 1998; Пепел наших костров: очерки истории еврейского анархистского движения (идиш-анархизм). 2-е изд., испр. и доп. М., 2017.

Кривенький пишет, что «в масштабе страны (особенно до революции 1905 г.) анархисты пользовались весьма ограниченным влиянием, преимущественно в среде ремесленников и кустарей. В то же время, особенно в некоторых зонах “еврейской оседлости” (Белосток и окрестности, Вильно, Одесса, Екатеринослав), они пытались составить конкуренцию другим революционным силам и иногда даже (на весьма короткие периоды) возглавляли борьбу с режимом» (с. 117). По подсчетам автора, в период революции 1905—1906 гг. в стране было более пяти тысяч анархистов (с. 118). Среди членов их преобладали мещане и крестьяне, более трех четвертей анархистов имели лишь начальное образование (с. 126).

Многие российские политические движения того времени распадались на несколько ответвлений, но особенно свойственно это было анархистам, поскольку у них отсутствовали партийная дисциплина и какая бы то ни было иерархия; среди них было много разных течений и групп: анархо-коммунисты, анархо-синдикалисты, анархо-индивидуалисты и др., разделяющие основные положения анархистской теории, но расходящиеся в методах борьбы с государством и построения анархического общества. При этом все они (хотя и в разной степени) признавали возможными в качестве методов борьбы террор и экспроприации. И не только признавали, но и практиковали их в своей деятельности. Кривенький пишет, что «уже на первом этапе (1880 — начало XX в.) идейный терроризм в значительной степени приобретал признаки обычного бандитизма, чисто уголовного насилия» (с. 157); «...лишь около 20—25 террористических акций и столько же “эксов” со стороны российских анархистов в первое десятилетие XX в. имели всероссийский общественный резонанс. Остальные “мелкие операции” (а их было множество по отдельным регионам) как раз и сформировали устойчивое представление об анархистах как отъявленных “бандитах” и уголовниках, проводящих свои действия для приобретения известной популярности в массах трудящихся, ради наживы и спортивного интереса» (с. 161).

Исследователь в основном пишет об анархистах с симпатией и сочувствием. Но приводимый им богатый фактический материал⁷ дает основания сделать вывод, что в анархистском движении был громадный разрыв между гуманной теорией лидеров и очень жестокой практикой в деятельности рядовых членов. Основными методами борьбы с государством (а в ряде случаев и с обществом) становились убийства и экспроприации. Показательно, что пропагандистской работе анархисты уделяли мало внимания, что было связано, по-видимому, с низким образовательным уровнем большинства членов движения (поэтому пропагандировать было некому).

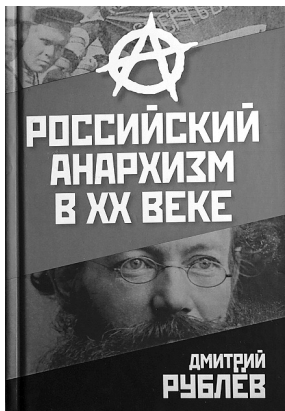
После поражения Первой русской революции число анархистов в стране резко уменьшилось, в 1914—1916 гг. анархистские организации были лишь в семи населенных пунктах, а общее число анархистов, ведущих практическую работу, составляло 250—300 человек (с. 229). Однако после Февральской революции число их стало быстро расти. Анархисты помогали большевикам в свержении Временного правительства, даже входили в Петроградский военно-революционный комитет. В марте 1917 г. в Москве была создана Федерация анархистских групп (с. 234), возникли аналогичные объединения и в других городах. В октябре-декабре анархистские организации были более чем в 60 населенных пунктах, в них входило от одной до трех тысяч человек (с. 253), рост продолжался до лета 1918 г.

7 Кривенький выпустил также ценный сборник документов «Анархисты: Документы и материалы» (М., 1998. Т. 1—2); позднее вышел продолжающий его сборник: Анархистские движения России и Русского Зарубежья: документы и материалы: 1922—1941 гг. / Сост. Д.И. Рублев. М., 2021.

В ряде акций (например, при защите Петрограда) анархисты поддерживали большевиков. В декабре 1917 г. один из видных анархистов писал в газете: «Врозь с большевиками идти, но вместе с ними бить, пока они продолжают бить направо, — такова наша общая тактика в настоящее время по отношению к буржуазии» (цит. по с. 268). Но встраиваться в советский государственный аппарат они не хотели. Поэтому анархисты, как правило, не входили в советы рабочих и солдатских депутатов. А вот в работе фабрично-заводских комитетов участвовали (особенно анархисты-синдикалисты), поскольку это не расходилось с их теоретическими установками.

Нередко анархисты выступали против правительства; они захватывали дворцы и особняки в Москве, а в дальнейшем хотели устроить «третью революцию», которая должна была привести к безгосударственному коммунистическому обществу. С конца 1917 г. анархисты создавали Черную гвардию — боевые отряды, которые к весне 1918 г. имелись во многих местах. В Москве было около полусотни таких формирований, в которые входило почти две тысячи человек (с. 293). Иногда большевики использовали их для реквизиций и обысков, однако в основном «анархическая революция на местах» вылилась в прозаические налеты на квартиры, грабеж складов и магазинов, сводилась к эпатажным акциям» (там же).

Укрепив свою власть, большевики повели борьбу с анархистами, опасаясь усиления их влияния на население. Их обвиняли в поддержке буржуазных контрреволюционеров, организации пьяных погромов, бандитизме. 12 апреля 1918 г. в Москве были разгромлены особняки, где находились анархистские организации, и арестовано порядка полутысячи анархистов, за этим последовали аналогичные акции в Петрограде и других городах. Постепенно анархистам «перекрывали воздух». А после Кронштадтского мятежа анархистски настроенных матросов в стране весной и летом 1921 г. прошли массовые аресты анархистов. По сути это было начало конца анархистского движения в России.

Серьезным исследованием является и монография Д.И. Рублева «Российский анархизм в XX веке». В основном она охватывает тот же период, что книга Кривенького, но здесь гораздо больше места уделено 1920—1930-м гг., деятельности анархистов в эмиграции, а также возрождению анархистского движения в России в конце XX — начале XXI в. Очень выразительно описана Рублевым линия поведения анархистов в период преследований 1920-х гг., когда одни пытались приспособиться, сотрудничая с советской властью и идя на компромиссы, другие поступали как ренегаты и вступали в коммунистическую партию, третьи переходили на нелегальное положение, четвертые эмигрировали. При этом почти всех анархистов, оставшихся в стране, ждал (независимо от их тактики) один конец — репрессии: ссылки, тюрьмы, лагеря и нередко смертные приговоры.

Книга Рублева более аналитична, чем книга Кривенького, он стремится вписать анархическое движение в рамки социальных процессов в России того времени. Так, он пишет, что

как и другие радикальные политические учения, отечественный анархизм стал отражением социально-экономических и социокультурных реалий, сложившихся в нашей стране во второй половине XIX — начале XX в., связанных с капиталистической модернизацией, переходом к индустриально-капиталистической модели

общества. В тех условиях формирование анархистского социально-политического учения и его развитие выдающимися русскими мыслителями Михаилом Бакуниным и Петром Кропоткиным стало возможным на благодатной почве общинной психологии, сочетавшей как широко распространенные в среде рабочих, крестьянстве и значительной части интеллигенции представления о коллективизме, с одной стороны, так и об автономии низовых сообществ от государства, с другой. Бакунин и Кропоткин ответили на вызовы нарождающегося в России капитализма, сформулировав социально-политическое учение, выдвигавшее модель безгосударственного социалистического самоуправления в рамках федерации трудовых коллективов и крестьянских общин. Стремясь развивать коллективистские и самоуправленческие традиции, присущие российскому общинному крестьянству, казачеству и нарождающемуся рабочему классу, анархисты стремились преодолеть патриархальные и авторитарные настроения, присущие общинной психологии⁸.

Причины неудачи анархистов Рублев видит в том, что «анархисты недооценили силу авторитарных, патриархальных элементов в той самой общинной коллективистской психологии, на которую пытались опираться последователи П.А. Кропоткина», а также в том, что «небольшие анархистские организации, плохо координировавшие свои действия в масштабах страны, были не в состоянии конкурировать с жестко централизованной политической партией, ориентированной, прежде всего, на захват власти»⁹.

На наш взгляд, это лишь частные причины неудачи анархистского движения. Главная заключается в том, что анархизм — чисто утопическое учение, а утопия характеризуется тем, что не может быть воплощена в реальности. В истории не было народов, которые, пройдя стадию родо-племенного строя, обошлись бы без государства, и не было общества, в котором «объединение снизу» обходилось бы без сильных конфликтов, ведущих к распаду. Об этом свидетельствует опыт различного рода фаланстеров, общин и коммун, создававшихся в XIX—XX вв. Характерно, что даже сами анархисты не могли прийти к согласию, часто полемизировали между собой, а их объединения постоянно дробились, распадались и т.п. Коммунизм в марксистской версии тоже утопия, однако не столь далеко отходящая от реальности, допускающая длительное существование государства, пока оно не отомрет, к тому же российские его строители на деле строили казарменный социализм, который просуществовал лишь немногим более семидесяти лет.

Книги Кривенького и Рублева в основном рисуют внешнюю (идейную и организационную) сторону анархистского движения. Тому, что думали рядовые адепты анархизма, чем он привлекал их, уделено очень мало внимания. Правда, в книге Кривенького приведена очень выразительная характеристика мотивации одной из разновидностей анархистов, которую дал Леонид Андреев:

Видел я как-то на Невском <...> маршировавших анархистов со знаменем «смерть буржуям», <...> просто низкая чернь, глупцы, жалкое двуногое, а посмотрел я на их лица, и встало предо мною *извечное*. Да, рабы, с их впалыми щеками и глазами, вечная обида, вечный гнев и восстание. Конечно, они ничего не понимают <...> в анархизме <...>, но они знают другое, важнейшее, вечное, о чем не помышляла рассерженная приличная публика на панели; и они были выше самих себя и своего грубо нацарапанного знамени. <...> И как они несли свои винтовки! Целая поэма. То, что всегда было обращено против них и грозило им смертью, теперь в их руках:

8 Цитируем по электронному изданию: «Алисторис», 2019. С. 355.

9 Там же. С. 357, 358.

это надо почувствовать! Оружие делало их людьми, они всеми лицами своими выражали это; и, по-видимому, они считали себя с этими винтовками — непобедимыми, сильными и свободными до ужаса (цит. по с. 260).

Однако это не единственный тип анархиста. Совсем другой представлял *С.Н. Чекин*, автор мемуарной книги «Воспоминания самарского анархиста». Студент, выходец из крестьян, учившийся на медицинском факультета Самарского университета и искавший наиболее близкую идеологическую программу, он увлекся в революционные годы анархизмом. Чекин вспоминал:

До половины девятнадцатого года <...> всюду свободно продавалась революционная литература крайне левого направления. Читались массовые публичные лекции, устраивались диспуты в клубах и общественных местах на политические и религиозные темы, которые мы <...> часто и аккуратно посещали в свободное время от учебы. <...> Мы проходили школу всех политических партий от марксистов до анархистов, которые как-то сразу нас очаровали ясностью и простотой — они брали сразу «быка за рога», а не за хвост, то есть разрешали экономическую проблему в первую очередь, тогда как все другие партии учили брать быка за хвост — начинать с политики.

Нам стало ясно, что покамест существует государство — будет существовать экономическое неравенство, то есть эксплуатация меньшинством большинства, правящей партией или классовой аристократией. Следовательно, партии по форме видоизменяют и создают государственную машину экономического неравенства в новом общественном строе, правда, с большими улучшениями, но с теми же старыми принципами угнетения и насилия над человеком и обществом. Из всех партийных теоретических и практических учений по душе пришлось только анархическое, разрешающее полную свободу личности и общества в экономическом, политическом и моральном отношении. <...> в два-три года я теоретически стал законным атеистом и антигосударственником, а Советскую власть, по тогдашней еще наивности, рассматривал как переходную ступень-фазу в безгосударственный строй жизни общества в ближайшие годы, рассматривал Советскую власть не как цель, а как средство к цели <...> высшей форме общественного строя — Вольному безгосударственному советскому коммунистическому обществу без кнута и пряника, к советам снизу вверх, а не сверху вниз (с. 93, 95).

Чекин посещал клуб самарских анархистов, входил в кружок, продолжавший изучение анархизма по трудам П.Ж. Прудона, Бакунина, А.И. Герцена, Кропоткина, М. Штирнера, Г. Цоколли, С. Фора и др. Однако в 1919 г. «власти арестовали активных анархистов, разгромили клуб, библиотеку, а нас, учеников, задержали на несколько часов, переписали и отпустили» (с. 306).

Анархисты проявили себя не только в социальной теории и революционной деятельности. Они оказали влияние и на культуру, прежде всего на искусство. Книга *О.Д. Буренной-Петровой* «Анархизм и искусство авангарда» посвящена почти не изученной стороне русского анархизма — его эстетической программе и влиянию на искусство. Автор полагает, что в начале XX в. «из философско-теоретического дискурса и политической программы анархизм, с одной стороны, преобразуется в эстетику и психологию художественного творчества, а с другой стороны, развивается на стыке философии, литературы и искусства» (с. 39). Отдельные главы книги посвящены таким сюжетам, как декларации и художественная практика художников-анархистов, анархистские поиски в сфере театра, литературное творчество анархо-биокосмистов, «интерпланетаризм» в литературе и др. Составлен-

ная из статей, часть которых печаталась отдельно, она пестрит неточностями и ошибками¹⁰.

Художники-анархисты нередко выступали со своими статьями и манифестами в газете «Анархия», выходившей в 1917–1918 гг. Эта группа художников называла себя анархо-футуристами и критиковала не только академическое искусство, но и художников-футуристов, считая их недостаточно левыми, пошедшими на компромисс со вкусами публики (Александр Родченко именовал их «осалонившимися футуристами»). Особенно часто в «Анархии» печатались Алексей Ган, Казимир Малевич, Родченко, Ольга Розанова, Алексей Моргунов. Основной пафос их публикаций заключался в том, что государство не должно вторгаться в сферу искусства и, более того, к отрицанию государственной власти как таковой. Для этих художников

на первый план выходили разрушение, ломка старых рамок и форм, создание нового искусства, связанного с эпохой и не похожего на старое. Они выступали (в духе романтизма) за искусство, свободное не только от государства и меценатов, но и от публики. Эти их заявления носили не только эстетический, но и политический характер. Так, Малевич 28 марта 1918 г. писал в «Анархии», что, «как бы мы ни строили государство, но раз оно — государство, уж этим самым образует тюрьму» (цит. по с. 87). Буренина-Петрова считает, что он попытался создать визуальную модель анархизма в своем «Черном квадрате», который, «наряду с уничтожением “вещей”, идеально репрезентировал форму уничтожения государственности, повинной в их порождении»; «расставаясь с понятиями “верх — низ”, “правое — левое”, с традиционной изобразительностью, [он] становится идеальным воплощением анархистской свободной стихии» (с. 79, 81).

Наряду с художниками печатались в «Анархии» и поэты: Рюрик Ивнев, Баян Пламень¹¹ и др.

Анархистские идеи проникли и в театр. Это прежде всего нашло выражение в деятельности организованного в сентябре 1917 г. Пролетарского театра, входившего в Московскую федерацию анархистских групп. Театр этот возник из самодеятельного театрального кружка и готовил к постановке несколько пьес, но из-за

10 Часть их названа в рец.: *Королев Р.* Черные флаги и черный квадрат // <https://gorky.media/reviews/chernye-flagi-i-chernyj-kvadrat/> (дата обращения: 13.06.2024). Отмечу также, что один и тот же абзац авторского текста можно встретить на с. 78 и 88, а одна очень большая цитата присутствует на с. 75–76 и 126; Отто Вейнингер назван в книге Венингером (с. 96 и 280), а Джон Хартфилд — Хертвилдом (с. 100, 123 и 286); театроведческую книгу Г. К. Крыжицкого автор считает воспоминаниями (с. 150). Довольно курьезна подпись под фотографией, на которой изображен представленный А. Родченко на конкурсе проект киоска (с. 114). Буренина-Петрова указала там, что это проект киоска «Бизиакс». На самом деле (и это видно на фотографии) Бизиакс — это не киоск, а псевдоним (девиз) Родченко, под которым проект был подан на конкурс (очень часто на конкурсах для обеспечения объективного решения жюри проекты подавались не под фамилиями авторов, а под девизами).

11 Буренина-Петрова пишет, что чей это псевдоним, неизвестно (с. 62). Мы предполагаем, что за ним скрылся Д. А. Кауфман, впоследствии прославившийся как режиссер-документалист под другим псевдонимом — Дзига Вертов. Стихи, которые он писал в молодости (см.: *Дзига Вертов.* «Миру — глаза»: стихи / Сост. К. Горячок. СПб., 2020), очень похожи на стихи Баяна Пламени.

«анархичности» участников (многие не являлись на репетиции) дело затягивалось и в итоге из-за ареста ряда сотрудников коллектив не успел, судя по всему, показать их публике. В главе под названием «О пролетарском театре анархии» Буренина-Петрова сосредоточивается на деятельности теоретика пролетарского театра А. Гана. В своей статье «Театр около масс», опубликованной в газете «Анархия», он писал о проектах театральных зданий немецкого архитектора Августа Це и руководителя мюнхенского Художественного театра Георга Фукса, которые называл «футлярами». Буренина-Петрова подробно излагает эти проекты, направленные на обновление театра и сближение его со зрителем, и делает вывод, что, по Гану, «модель функционального театрального “футляра” Це и Фукса открывает подлинное решение загадки преобразования искусства в витальную конструкцию» (с. 127). Это передежка, извращение мысли Гана. Он не приветствовал подобные «футляры», а критиковал их. Вот что в той же статье он писал о проекте Це (эти слова Буренина-Петрова не цитирует): «...зритель в безопасности, поле зрения повсюду одинаково, возможны световые эффекты на сцене. А в зрительном зале будет страшно или просто скучно». А по поводу Фукса он замечает, что «отсутствие пьес и новых драматургов заставило [его] остановиться пока на футляре. А проект архитектора Це разве не футляр? И если бы ему удалось разрешить этот “сложный” вопрос шире, примерно тысяч на сто, подвинуло бы это хоть на один вершок осуществление народного театра? Думаю, что нет»¹². Ган считал, что важны не театральные здания, «футляры», а другие принципы создания пьес и их исполнения. Так, он полагал, что актеру не нужно давать инструкции и советы, он должен сам свободно интерпретировать роль. Не нужны ему ни традиции, ни профессиональное обучение, ни руководство режиссера. Ган предлагал и тексты для постановок писать драматургу и актерам совместно. В дальнейшем он еще дальше отошел от традиционного театра, став сторонником «массовых действий», «интерпретирующих настоящий момент», «инсценирующих и подчеркивающих революционный быт» (цит. по с. 145).

Интерес представляет глава об анархо-биокосмистах, которые стремились расширить сферу свободы за пределы чисто социального — в биологию (за счет достижения бессмертия и воскрешения умерших), с одной стороны, и за пределы Земли, в космос — с другой. Тут подробно рассматривается творчество поэта и командира одного из отрядов Черной гвардии А.Ф. Агиенко, писавшего под псевдонимом Александр Святогор, и прозаика, автора утопических и фантастических произведений, А.Б. Ярославского. Святогор, редактор журнала «Биокосмист» (1922), опираясь на ряд современных научных работ, писал о возможности освобождения от смерти путем обретения личного телесного бессмертия, а также (под влиянием идей философа Н.Ф. Федорова) о необходимости воскрешения мертвых. При этом, как отмечает Буренина-Петрова, он считал, что «бессмертие обеспечивается изменениями в организации человеческого общества, которое на основе коллективного договора должно стать научно-технически сверхразвитым обществом вселенского единства и в централизованном порядке превратить отдельные эксперименты в нечто вроде государственной программы» (с. 160). Проблема преодоления смерти волновала и Ярославского, редактировавшего журнал «Бессмертие» (1922) и опубликовавшего «Поэму анабиоза», в которой анабиоз выступал гарантией бессмертия.

Главы «Анархизм и “интерпланетаризм”» и «Анархистская научно-социальная фантастика в литературе и кино» мы в этом обзоре не рассматриваем, поскольку в них в основном идет речь об авангардизме, а анархизму уделены лишь считанные

12 Анархия. 1918. № 16. 12 марта.

страницы: в первой из названных — об искусственном языке Вольфа Гордина (с. 211—215), а во второй (наряду с рассмотрением не имеющих отношения к анархизму книг и фильмов) кратко охарактеризованы анархические утопии Алексея Борового, братьев Гординых и Аполлона Карелина, а роман Ивана Морского «Анархисты будущего» ошибочно отнесен к числу анархических¹³.

И наконец, в заключительной главе автор дает поверхностный обзор возрождения анархистского движения в России в конце 1980-х — 1990-х гг. и характеризует творчество Юрия Аввакумова, Анатолия Осмоловского, группы Э.Т.И. и деятельность Клуба имени Джерри Рубина.

Серьезным научным исследованием книгу Бурениной-Петровой назвать нельзя, но все же она полезна как первая попытка привлечь внимание исследователей к связям анархизма с искусством и собрать информацию о них. Однако даже популярная книга П. Рябова содержит более интересные общие наблюдения и выводы по этой теме (в главе «Анархизм и российская культура конца XIX — первой половины XX века»). Он пишет, например, что

расцвет художественного авангарда на заре XX века вызывал у анархистов двойственное отношение: с одной стороны, симпатию и поддержку как утопическую устремленность в будущее, трансцендирование и преодоление данности, с другой стороны, враждебность и отторжение по причине наличия в анархизме сильной «традиционалистской» и «консервативной» тенденции, критически относящейся к идее технического прогресса, индустриализма, апеллирующей к идеям «золотого века» и раннего христианства, к либертарно истолкованным ценностям доиндустриального общества (солидарность, природосообразность, коллективизм), и в силу отталкивания анархизма от «элитаризма» и самой мессианской идеи «авангарда» и социального планирования, диктующего природе, жизни и человеку свои догмы. Поэтому, если авангардистски-индустриалистские течения искусства, например футуризм, скорее оказывались связанными с тоталитарными индустриалистскими движениями большевистского и фашистского толка, воспевавшими технологическую экспансию и авторитарную перекройку природы и культуры с конструированием нового человека посредством социальной инженерии и тотального технического планирования, то анархизм более связан с художественными движениями, коренящимися в романтизме — с его либертарной и ностальгической эстетической утопией, призывающей к гармонии человека и природы, восстановлению определенных элементов средневековья (вольный город, общинность, ремесленничество, украшающее повседневную жизнь и интегрирующее труд) и к высвобождению человеческого потенциала (с. 235).

Как видим, изучение связей анархизма и искусства только начинается, причем задача эта непростая, поскольку ее решение требует совместных усилий историков, искусствоведов и литературоведов.

В целом же наш краткий обзор показывает, что, с одной стороны, идет серьезное и разностороннее осмысление истории русского анархизма, но, с другой стороны, как реакция на тенденциозное, весьма критическое отношение к анархизму в советский период, изучение анархизма направлено в основном на его защиту (временами приводящую к апологетике). Поэтому анархизм рассматривается изнутри, а не в контексте социально-политической и культурной истории России и без социологического анализа того, насколько в принципе реализуемы анархистские идеи.

13 См.: *Королев Р. Указ. соч.*